

Часть I

ОКТАБРЬ — НОЯБРЬ 1965 Г.

Глава 1

Среда, 6 октября 1965 г.

Джимми просыпался постепенно, поначалу осознавая только одно: пронизывающий холод. Стучали зубы, ныло все тело, онемели пальцы. А почему он ничего не видит? Вокруг — крошечная темнота. Он и не подозревал, что мрак бывает настолько беспросветным. Приходя в себя, он понял, что его заперли в каком-то тесном, вонючем, чужом закутке. И спеленали! В панике он завизжал и принялся лихорадочно раздирать то, что сковывало его движения. Материал трещал и рвался, а когда Джимми наконец высвободился, его охватил просто адский холод. От ужаса он замер. Со всех сторон его окружали какие-то предметы, от некоторых исходил уже знакомый Джимми запах материала, в который его упаковали, но сколько он ни визжал и ни рвался, никто его не услышал. И он продолжал кричать и метаться, слыша только свой голос и стук собственного сердца.

Отис Грин и Сесил Поттер прибыли на работу вместе, встретившись, как было условлено, на Одиннадцатой улице, еще издали широко улыбаясь друг другу. На службе они были в семь ноль-ноль. Хотя получать нагоняй за опоздание им было не от кого, а это большой плюс! Да, работенка у них завидная, ничего не скажешь. Прихваченные из дома коробки с обедом они поставили в отдельный шкафчик из нержавеющей стали, к которому, кроме них, никто не притрагивался — даже запирать ни к чему, воришек на работе нет. А потом взялись за дело.

Сесил уже слышал, что его зовут подопечные, поэтому направился сразу к ним и с порога заворковал:

— Привет, ребятишки! Ну как вы тут, а? Выспались?

Когда за Сесилом закрылась дверь, Отис принялся за самую неприятную часть своей работы — опустошение холодильника. Он подкатил на тележке пластиковый бак, пахнувший чистотой и свежестью, заправил в него новый мусорный пакет, придвинул бак вплотную к дверце холодильника — тяжелой, стальной, с тугой ручкой. Дальше все было как в тумане: едва Отис открыл дверцу, что-то с воем вывалилось из холодильника.

— Сесил, сюда! — крикнул Отис. — Джимми жив, держи его!

Большая мартышка словно обезумела. Но когда Сесил заговорил и протянул руки, Джимми метнулся к нему в объятия, прильнул дрожа, и его визг сменился всхлипыванием.

— Боже, Отис, — заговорил Сесил, баюкая обезьяну, как отец любимое дитя, — как мог доктор Чандра ошибиться? Малыш просидел в запертом холодильнике всю ночь. Ну-ну, Джимми, успокойся! Папа здесь, детка, теперь все будет хорошо!

Прятели были в шоке. У Отиса бешено колотилось сердце, хотя все и закончилось благополучно. «Доктор Чандра сойдет с ума от радости, когда узнает, что Джимми жив, — думал Отис, снова направляясь к холодильнику. — Джимми стоит сотни больших обезьян».

Несмотря на фанатичную любовь к чистоте, Отису никак не удавалось изгнать из холодильника запах смерти. А он старался, тщательно мыл его внутри дезинфицирующими средствами и дезодорантами. Застоялая вонь, но не разложения, а каких-то более сложных процессов ударила в нос Отису, едва он включил свет и сунулся в нержавеющей стальное нутро. Ох и нашкодил Джимми! Разордал бумажные пакеты, разбросал безголовые трупы крыс, клочки жесткой белой шерсти, мерзкие голые хвосты. Пострадали и еще какие-то большие пакеты. Вздохнув, Отис сходил за новыми пакетами и принялся наводить порядок. Побросав в пакеты дохлых крыс, Отис подтянул из пронизывающего холода камеры два оставшихся пакета. Оба были испорчены

сверху донизу, и их содержимое стало выскальзывать наружу.

Отис разинул рот и завизжал пронзительнее Джимми, и не умолк, даже когда из обезьянней комнаты примчался Сесил. Забыв о товарище, Отис круто развернулся и бросился прочь из вивария. Он пронесся по всей Одиннадцатой улице со скоростью ветра и взлетел на второй этаж старого трехквартирного дома.

Когда Отис ворвался в кухню, Селеста Грин с племянником пили кофе. Оба вскочили. Страстная речь Уэсли, обличающего преступления белых, оборвалась на полуслове. Селеста поспешила за нюхательными солями, а Уэсли усадил Отиса и стоял около него до тех пор, пока вернувшаяся Селеста бесцеремонно не отпихнула племянника.

— Знаешь, Уэс, в чем твоя беда? Вечно ты путаешься под ногами! Отис! Отис, дорогой, очнись!

От флакона шла аммиачная вонь. Буровато-серая кожа Отиса не стала, как прежде, шоколадной, но он вздрогнул и отдернул голову.

— Что? Что случилось? — допытывался Уэсли.

— К-к-кусочек женщины, — прошептал Отис.

— Что?! — воскликнула Селеста.

— Кусочек женщины. В холодильнике, на работе, средидохлых крыс... Живот и то, что пониже. — Отиса затрясло.

Уэсли задал единственный волновавший его вопрос:

— Белая или чернокожая?

— Да отстань ты от него, Уэс! — крикнула Селеста.

— Не черная, — Отис схватился за грудь, — и не белая. Цветная, — добавил он и, вдруг обмякнув, сполз на пол.

— Звони в «Скорую»! Живее, Уэс!

«Скорая» приехала очень быстро благодаря стечению двух удачных обстоятельств: во-первых, больница Холломена находилась совсем рядом, за углом, а во-вторых, в ранний час вызовов было мало. Отиса Грина погрузили в машину, жена, пригнув голову, забралась туда же. В квартире остался только Уэсли Леклерк.

Но у родных он не стал задерживаться — с такими-то новостями! О них следовало сообщить Мохаммеду эль-Несру, который жил в доме номер 18 по Пятнадцатой улице.

Кусок женщины! И не белой, и не черной. Цветной. По разумению Уэсли и всей «черной бригады» Мохаммеда, что черная, что цветная — все едино. Белым давно пора ответить за двести лет угнетения, за то, что они обращались с чернокожими как с гражданами второго сорта — нет, как со скотом, у которого нет бессмертной души.

Освободившись из тюрьмы в Луизиане, Уэсли решил податься на север — в Коннектикут, к тете Селесте. Он мечтал, чтобы у него была репутация человека, который кое-что значит, а добиться ее проще там, где чернокожих не сажают за решетку за каждую мелкую провинность, как в Луизиане. К тому же в Коннектикуте обосновался Мохаммед эль-Неср со своей «черной бригадой». Мохаммед из образованных, с дипломом доктора права — что-что, а свои права он знает! Но по той же причине, которую Уэсли ежедневно видел в зеркале, Мохаммед эль-Неср досадливо отмахнулся от него. Негр с плантаций, черная рвань, ничтожество. Но это не охладило пыл Уэсли: он еще заявит о себе в Холломене! И заявит так громко, что когда-нибудь Мохаммед будет смотреть снизу вверх на него, Уэсли Леклерка, негра с плантации.

Сесил Поттер, заглянув в холодильник, сразу понял, отчего вопящий Отис удрал из вивария, но панике не поддался. И к содержимому холодильника не прикоснулся. Звонить в полицию он тоже не стал. Просто связался по внутреннему телефону с профессором, прекрасно зная, что тот у себя, несмотря на ранний час. Он всегда говорит, что лишь по утрам никто не отвлекает его от работы. «Но сегодня утром, — думал Сесил, — профу придется отвлечься».

— Печально, — сказал лейтенант Кармайн Дельмони-ко своему товарищу по оружию, а формально — начальнику, капитану Дэнни Марчиано. — Родных у них нет, детей возьмет под опеку государство.

— А ты уверен, что виноват он?

— Абсолютно. Бедолага твердил, будто в дом вломился неизвестный. Но когда в постели наши его жену с любовником, у того была перерезана глотка, а из женщины сделали отбивную. Это он, точно тебе говорю. Вот увидишь, сегодня расколется.

Марчиано поднялся.

— Ну, тогда пойдем завтракать.

Зазвонил телефон. Марчиано выразительно пошевелил бровями, переглянувшись с Кармайном, и снял трубку. Его лицо вытянулось, он нахмурился и подтянулся, вмиг утратив довольный вид. Прошептал Кармайну одними губами: «Сильвестри!» — он продолжал слушать и кивать.

— Конечно, Джон. Я сейчас же подключу Кармайна и сразу направлю туда Патси.

— Проблемы?

— Еще какие. Сильвестри только что звонил глава Хага, профессор Роберт Смит. У них в холодильнике, в виварии, нашли часть трупa женщины.

— Ч-черт!

Сержанты Кори Маршалл и Эйб Голдберг завтракали в «Мальволио» — закуской, облюбованной полицейскими из-за близости к зданию окружного полицейского управления на Сидар-стрит. Заходить внутрь Кармайн не стал — просто постучал костяшками пальцев по стеклу возле столика, за которым сидели Эйб и Кори, запивая кофейком из больших кружек горячие оладьи с кленовым сиропом. «Везунчики, — думал Кармайн. — Отправились подкрепиться, а я задержался, чтобы отчитаться перед Дэнни, и вот — остался без завтрака. Одна морока с этими руководящими должностями».

«Форд», который Кармайн считал собственным (на самом деле он принадлежал полицейскому управлению, но имел обычные номера), был оснащен форсированным восьмицилиндровым движком, полицейскими рессорами и амортизаторами. Когда в машину садились все трое, Эйб всегда занимал место за рулем, Кори — рядом с ним, а Кармайн с бумагами разваливался на заднем сиденье. Инструктаж с Кори и Эйбом занял полминуты, поездка с Сидар-стрит до Хага — меньше пяти.

Холломен расположен у береговой линии Коннектикута, его обширная гавань обращена к проливу и Лонг-Айленду. Основанный пуританами в 1632 году, он всегда процветал. И не только благодаря многочисленным предприятиям на окраинах города и берегах реки Пеко. Немалая часть сто-

пятидесятитысячного населения города имеет отношение к Чаббу — университету из «Лиги плюща», не признающему превосходство даже Гарварда и Принстона. Город и университетский городок — одно неразделимое целое.

Главный кампус Чабба выходит тремя сторонами на центральную лужайку, его строения в раннем колониальном георгианском стиле и готические здания девятнадцатого века соседствуют с современными постройками, с которыми аборигены мирятся лишь потому, что за каждой стоит какое-нибудь августейшее архитектурное имя. Кроме них, есть еще Сайенс-Хилл, расположенный в восточной стороне лужайки: там, в квадратных башнях из темного кирпича и листового стекла, обосновались жрецы естественных наук, а западнее — медицинская школа Чабба.

Медицинским школам свойственно соседствовать с больницами, а больничным районам, особенно в 1965 году, — пользоваться репутацией худших в городе. И в этом Холломен не исключение. Медицинская школа Чабба и городская больница, двенадцатиэтажная громадина, отстроенная в 1950 году, стоят друг напротив друга на Оук-стрит, у южной границы негритянского гетто, прозванного Ямой, потому что раньше здесь было болото. В довершение всех бед в 1960 году нефтяные цистерны из Восточного Холломена перенесли в конец Оук-стрит, на пустырь между шоссе и гаванью.

Центр неврологических исследований Джексона находится там же, на Оук-стрит, напротив жилого корпуса Шейн-драйвер для студентов-медиков: 100 комнат на 100 человек. Рядом — корпус Паркинсона, предназначенный для медицинских исследований.

— А почему Хьюлингса Джексона называют «Хаг»? — спросил Кори, поворачивая машину на земляную дорожку, рассекающую гигантскую автостоянку.

— Наверное, по трем первым буквам имени, — предположил Кармайн.

— Хаг? Несолідно как-то. Почему бы не взять первые четыре буквы? Получилось бы Хью*.

* Первые три буквы в слове Hughlings, Hug, читаются как «Хаг» и созвучны слову «объятия», первые четыре буквы, Hugh, — как «Хью» и созвучны распространенному имени. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Спроси у профессора Смита, — посоветовал Кармайн, оглядывая местность.

Хаг оказался уменьшенным аналогом Биологического корпуса Берка и Естественнонаучного корпуса Зюскинда, стоящих по другую сторону Сайенс-Хилла, и представлял собой примитивную приземистую башню из темного кирпича с многочисленными окнами из цельных листов стекла. Ее возвели на трех краях земли в районе бывших трущоб, которые снесли, чтобы увековечить имя загадочного человека, не имевшего к этому зданию ровным счетом никакого отношения. Да кто он такой, этот Хьюлингс Джексон? Этот вопрос задавал каждый житель Холломена. По справедливости Хаг следовало бы назвать в честь его спонсора — до неприличия богатого Уильяма Парсона, ныне покойного.

За неимением ключа от стоянки Эйбу пришлось парковать машину на Оук-стрит, прямо возле здания, которое, впрочем, выходов на эту улицу не имело. Хрустя гравием, трое полицейских обошли здание с северной стороны и приблизились к стеклянной двери, где их уже ждала необычайно рослая женщина.

«Похоже на детский кубик посреди огромного зала, — думал Кармайн, — здание с длиной стены всего тридцать метров на таком большом участке. А у незнакомки в руках папка с зажимом. Типичный администратор, а не медик. Кармайн машинально фиксировал в памяти приметы каждого человека, который выплывал ему навстречу из людского моря, поэтому ему было чем заняться в ожидании, пока женщина подойдет ближе: рост — почти метр девяносто, возраст — чуть за тридцать, темно-синий брючный костюм сидит мешком, обувь без каблуков, на шнурках, цвет волос — сероват, нос великоват, подбородок заметно выдается вперед. Даже десять лет назад она не смогла бы претендовать на титул «Мисс Холломен», не то что «Мисс Коннектикут». Но, остановившись перед незнакомкой, Кармайн отметил, что у нее очень чистые, прозрачные глаза цвета льда, а он всегда считал этот оттенок красивым.

— Это сержанты Маршалл и Голдберг. Я лейтенант Кармайн Дельмонико, — коротко представился он.

— Дездемона Дюпре, управляющий директор, — отозвалась она и пригласила всех в тесный вестибюль с двумя лифтами. Но вместо того чтобы нажать кнопку «вверх», Дездемона открыла дверь напротив лифтов, и они очутились в широком коридоре.

— Здесь, на первом этаже, у нас виварий и лаборатории, — сообщила Дездемона с акцентом, который выдавал в ней уроженку другого берега Атлантики. За поворотом оказался еще один коридор. Дездемона указала вперед, на две двери. — Вам туда, в виварий.

— Спасибо, дальше мы справимся сами, — заявил Кармайн. — Пожалуйста, подождите меня у лифтов.

Женщина вскинула брови, но круто повернулась и удалилась, не обронив ни слова.

Толкнув дверь, Кармайн попал в просторную комнату, вдоль стен которой выстроились шкафы и мусорные баки. Высокие стеллажи, заставленные клетками, в которых могла бы поместиться кошка или собака, ровными рядами стояли напротив большого служебного лифта. На других стеллажах разместились пластмассовые коробки, затянутые сверху проволочной сеткой. В комнате стоял свежий смолистый запах, как в сосновом лесу: надо было как следует принюхаться, чтобы различить сквозь него другой, менее приятный.

Сесил Поттер был симпатичным парнем — рослым, стройным, очень опрятным, в отутюженном белом комбинезоне и холщовых бахилах. Кармайн подумал, что Сесил, наверное, часто смеется, но сейчас в его глазах не было и тени улыбки.

В этом году, памятным приказом о басинге* и вызванными им беспорядками, Кармайн взял себе за правило учтиво обходиться со всеми чернокожими, с которыми сталкивался по работе или в обществе. Поэтому он пожал руку Сесилу и представился. Кори и Эйб, преданные своему начальнику, в точности повторили его действия.

— Это здесь, — сообщил Сесил, указывая на дверь из нержавеющей стали с ручкой-замком. — Я ни к чему не прикасался, только дверцу прикрыл. — Поколебавшись, он ре-

* Приказ о басинге — распоряжение о совместной доставке в школы белых и чернокожих учеников; характерная примета периода борьбы с расовой сегрегацией в США.

шился спросить: — Лейтенант, вы не против, если я вернусь к ребятишкам?

— К ребятишкам?

— К обезьянам. Макакам. Слово «резус» вам что-нибудь говорит? Так вот к ним. Они страшно переполошились. Узнали от Джимми, где он побывал, и никак не могут угомониться.

— Джимми?

— Та обезьяна, которую доктор Чандра сунул в холодильник вчера вечером, — видно, решил, что издохла. По правде говоря, это Джимми нашел труп: он изодрал в холодильнике все пакеты, когда очнулся, и чуть не отморозил себе зад. Когда Отис — мой помощник и подручный — открыл холодильник, чтобы опорожнить, Джимми ринулся наружу и поднял крик. А потом Отис нашел это и развопился хуже Джимми. Я пришел, понял, в чем дело, и позвонил профу. А он, видимо, позвонил вам.

— И где сейчас Отис? — спросил Кармайн.

— Насколько я знаю Отиса, домой побегал, к Селесте. Она ему и жена, и мама.

Все трое надели перчатки, Эйб откатил мусорный бак от двери, Кармайн открыл холодильник, а Сесил отправился к обезьянам, заранее прищелкивая языком и воркуя.

Один из больших пакетов по-прежнему лежал в глубине камеры. А в другом, разорванном сверху донизу, они обнаружили нижнюю половину женского туловища. Кармайн сразу обратил внимание на его размеры и отсутствие волос на лобке. У него упало сердце: ребенок, не достигший половой зрелости? О нет, только не это! Даже не попытавшись прикоснуться к находке, он отошел к стене.

— Дождемся Патрика, — решил он.

— Впервые чую такой запах: пахнет смертью, но не гнилью, — заметил Эйб, которому отчаянно хотелось закурить.

— Эйб, сходи разыщи миссис Дюпре — пусть встретит полицейских, а потом может идти к себе, — велел Кармайн, разгадав страдальческое выражение лица подчиненного. — Расставь наших возле всех входов и выходов, в том числе запасных. — Оставшись вдвоем с Кори, он глухо произнес: — Но почему именно здесь?

Патрик О'Доннелл просветил его.

Довольствуясь донельзя скромной должностью судмедэксперта, Патрик посвятил себя патологоанатомии потому, что не любил разговорчивых пациентов. А случаи скоропостижной и загадочной смерти его очень интересовали. Патрик хотел, чтобы полиция Холломена соответствовала требованиям второй половины двадцатого века. Патрик верил в научную судмедэкспертизу и играл активную роль в каждом заинтересовавшем его деле, даже если в нем не фигурировали трупы.

Внешность у него была такой же ирландской, как имя: рыжие волосы с красноватым отливом, ярко-голубые глаза. Никто и не подумал бы, что они с Кармайном двоюродные братья, сыновья сестер итальянского происхождения. Одна вышла замуж за Дельмонико, другая — за О'Доннелла. Десятью годами старше Кармайна, счастливый отец шестерых детей, Патрик ничему и никому не позволял разрушить его крепкую дружбу с двоюродным братом.

— Мне известно немного, — начал Кармайн и посвятил Патрика в подробности дела. — Так почему именно здесь? — задал он вопрос брату.

— Потому что, если бы Джимми не воскрес, эти коричневые пакеты безо всяких пометок благополучно свалили бы в какой-нибудь бак и увезли в крематорий при виварии, — морщась, растолковал Патрик. — Идеальный способ избавиться от трупа. Пых — и нет ничего, кроме дымка.

Вернувшийся Эйб услышал последние слова и побледнел.

— Ужас! — ахнул он.

Сделав фотографии, Патрик переложил пакет на каталку, в расстегнутый мешок для трупа. Потом осмотрел содержимое, стараясь не ворошить его.

— Лобковых волос нет, — сказал Кармайн. — Патси, если я тебе дорог, скажи, что это не ребенок.

— Волосы были, но их не сбрили, а выщипали, так что половой зрелости она уже достигла. Похоже, нашего убийцу тянуло на детей, но не хватило духу дать волю своим гнусным желанием. — Патрик взял второй пакет, пострадавший меньше, и поставил его рядом с первым. — Я в морг, тебе же понадобится отчет, и, конечно, как можно

скорее. — Его помощник Пол уже приготовился почистить камеру холодильника, а затем снять отпечатки пальцев. — Кстати, Кармайн, одолжи мне Эйба и Кори, а Сесил пусть возвращается к работе. У них, должно быть, и без макак подопытного зверья хватает — вон сколько чистых клеток приготовлено на смену.

— Изучите все вдоль и поперек, ребята, — напутствовал Кармайн брата и помощников, увозящих каталку с жутким грузом.

Дездемона Дюпре — странное имя! — ждала в вестибюле, шурша толстой пачкой бумаг, которую она добавила к папке с зажимом.

— Миссис Дюпре, это доктор Патрик О’Доннелл, — представил брата Кармайн.

Она изменилась в лице.

— Не миссис, а мисс, — отрезала Дюпре. — Так вы идете со мной наверх, лейтенант, или я могу быть свободна? У меня много дел.

— Потом разыщу тебя, Патси, — бросил Кармайн, входя за мисс Дюпре в лифт. — Так вы из... хм... Англии? — спросил он, пока они поднимались.

— Верно.

— Давно в Хаге?

— Пять лет.

Лифт остановился на четвертом, верхнем этаже, хотя на последней кнопке значилось «Крыша». Здесь с внутренней отделкой и планировкой здания можно было познакомиться подробнее. Верхний этаж мало чем отличался от первого: стены, выкрашенные типичной для учреждений краской цвета сливок, отделка под темный дуб, лампы дневного света с пластмассовыми плафонами. Этот коридор, точная копия увиденного на первом этаже, заканчивался дверью и под прямым углом сходилась с еще одним коридором.

Мисс Дюпре постучала и, получив разрешение войти, пропустила Кармайна в личные владения профессора Смита, оставшись снаружи.

Кармайн увидел одного из самых привлекательных мужчин, каких он когда-либо встречал. Роберт Мордент Смит, глава фонда Уильяма Парсона, профессор Центра неврологических исследований имени Хьюлингса Джек-